

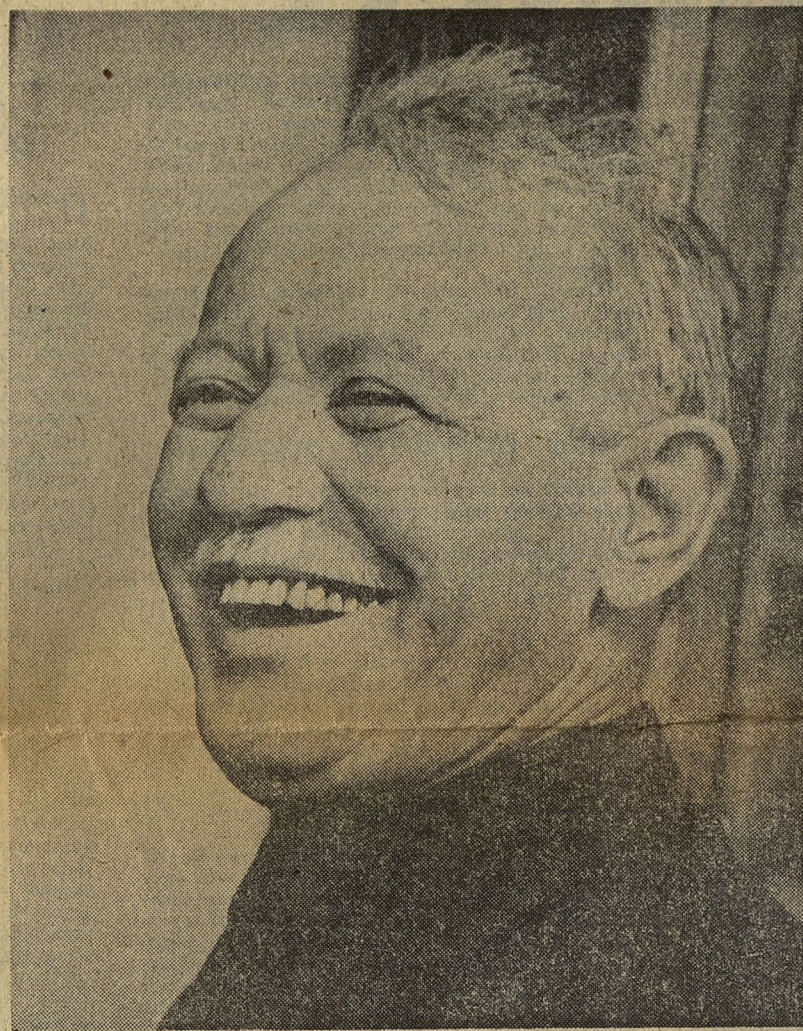
Шесть десятилетий творчества М. А. Шолохова

ВЕЛИКОЕ
ИМЯ ВЕКА

Читает вся планета

Михаил Александрович Шолохов принадлежит к плеяде авторов, наиболее читаемых в мире. Его произведения — романы «Тихий Дон» и «Поднятая целина», сборник «Донские рассказы», рассказ «Судьба человека» — издавались в нашей стране 1080 раз на 88 языках. Их общий тираж — 97 миллионов 449 тысяч экземпляров. Только на русском языке книги Шолохова выдержали 530 изданий, суммарный тираж которых составил 88,898 тысяч экземпляров.

За рубежом творчество Шолохова стало известным в 1929 году, когда издательство «Литературный унд политик» выпустило на немецком языке первую книгу «Тихого Дона». В 1930 году роман появился во Франции, в 1934-м — в Англии; произведения Шолохова начали завоевывать мир. Только в Индии они переведены более чем на десять языков, в том числе на хинди, бенгали, пенджаби, тамили. За восемь месяцев нынешнего, юбилейного, года — в дополнение к сотням предыдущих — понадобилось 9 новых изданий Шолохова в ГДР, 5 — в Чехословакии, 3 — в США, 2 — в Венгрии, по одному — в Польше, Болгарии, Финляндии. А всего в коллекции писателя — почти тысяча зарубежных изданий на языках многих народов мира.

СЛОВО В ДОРОГЕ

Его и наши судьбы

КАЖЕТСЯ, это было недавно, а беглые строчки в старом блокноте уже успели поблекнуть: десять лет этим записям, сделанным на рыжей донской вышивке под хутором Мелоклетским. На военных картах он назывался Мелоклетским, и ветераны Сталинграда помнят, какие жестокие были здесь бои. В этом месте по совету Михаила Александровича Шолохова киногруппа «Мосфильма» с постановщиком Сергеем Бондарчуком снимала «Они сражались за Родину».

На каменистой известняковой земле возле свежего бруствера сидели в мокрой от пота гимнастерках Василий Шукшин, Иван Лапиков, Георгий Бурков. Рядом темнели заросшие полынью старые окопы. В небе над синим дном кружили и кружили орлы. После той короткой встречи между съемками и остались в моем блокноте две беглые записи, которые сегодня, спустя годы, обретают в душе особое звучание.

Шукшин, задумчиво глядя в донскую даль, подписанную маревом, говорил, как всегда, коротко, со словами не спешил. Он будто вытаскивал их из глубокого колодца:

— Шолохов перевернул меня. Он мне внушил — не словами, а присутствием своим в Вешенской и в литературе, что нельзя торжественно суетиться в искусстве. Заразил меня Шолохов своим отношением к жизни.

Помогал, взял сухую блинницу, долго ее разглаживал. — Здесь нельзя не думать о народном подвиге... Уж больно тяжелая игра получается... Мой герой Лопатин — народный характер. Это живой человек, как все люди, схваченные мудрым взглядом Шолохова. От шолоховской правды получаешь огромное наслаждение.

Перерыв закончился, издали со стороны степи послышался железный грохот танков.

— Начинается... вздохнула Василий Макарович, встал, оправил гимнастерку, позвал Буркова и

пошел, чуть сутулясь, навстречу этому грохоту. Живой Лопатин. Последняя его роль и последние литературные замыслы были символически освещены шолоховским талантом, шолоховской мудростью.

Вторая запись была начата там же, на Дону, в беседе с моим земляком Иваном Герасимовичем Лапиковым, ныне народным артистом СССР. Потом беседы были продолжены.

— Мне сильно повезло в творческой судьбе: она подарила дважды встречу с героями Михаила Александровича.

Помню, у меня был «поисковый» период героя, читал сценарии за сценарием, и вдруг позвонил знакомый по студии режиссер и спросил, знаю ли я ранние рассказы Шолохова. Вопрос был совершенно неожиданным. Я спросил, о каком рассказе конкретно идет речь. Он, не называя, стал пересказывать сюжет, и я с первых же слов понял, какое это произведение: книжку «Донские рассказы» я еще в школе читал взахлеб и даже некоторые образы пытался играть.

Я оставил сценарии и тут же помчался на студию. И до сих пор храню в сердце это ни с чем не сравнимое волнение счастливого ожидания встречи с героями Шолохова.

А потом была работа над фильмом «Непростная любовь», и, наконец, «Они сражались за Родину».

Михаил Александрович показывал души советского человека на войне. Помните эпизод: бывший комбайнер Звягинцев увидел, как загорелась после немецкого артиллерийского попадания пшеница, и выскочил из окопа, кинулся спасать: хлеб горит! А сколько нежности и веры в жизнь в его словах, когда он взял на ладонь подгоревший колосок. Не может не дрогнуть сердце от этих слов: «Милый ты мой, до чего же ты прокоптился! Дымом от тебя вонзает, как от цыгана... вот что с тобой сделали... окостенелые души».

Играет характеры, созданные Шолоховым, боится творческая радость. Задача артиста — только сохранить все краски бурного потока его народной правды...

ДОРОГА неожиданно пропала, и я увидел неяркий, почти затухающий костер. В деревнях стоял шалаш, рядом с костром был натянута марлевый полог. Это был рыбацкий стан. Возле костра полудекал на примятых сене мужик крупного сложения, совершенно седой.

— Данилов, — назвался он. — Андрей Дмитриевич.

Оказалось, бригада сегодня выполняла задание на отлове леща, и ребята на радостях поехали в хутор.

А мне ехать не к кому, — сказал Андрей Дмитриевич и замолчал, глядя в костер.

Потом, после нелепого этого молчания, он угрюмо переставил шавку ухой, а мы его — болгарскими сигаретами. Постепенно его сердце как бы оттаивало. Он стал рассказывать о своей жизни. Я слушал его, и рассказ казался уже знакомым.

Андрей Дмитриевич был в молодости плотником. Ходил по хуторам и станицам, ставил дома, работал в колхозе. Потом женился и осел на одном месте.

Все постепенно стало улаживаться. На работе был в почете, жена душевная. Сынок родился. А тут — война.

На войне Андрей Дмитриевич служил в пехоте. Боевая линия проходила на Южном фронте, на Украине. Получил восемь ран, но отслужил в госпитале и опять возвращался на фронт. Под Ростовом попал в плен, через три суток бежал.

Испытал много земл: свою, польскую, немецкую. Но вот кончили воевать, пора ехать по домам. И я поехал. — Он долго молчит.

— Приехал домой, а на месте дома — заросшая бурьяном яма. И могильный холмик под грушей. Одной бомбой унесло сразу всю мою радость. Постояла я возле той могилки, кинул

за плечо вещевой мешок и пошел куда глаза глядят.

Однажды в Урюпинске старуха рассказывала ему об одиноком соседке — мальчишке Сереже: отец не вернулся с войны, а мать убило грозой. Андрей Дмитриевич пошел в этот дом. Потом его видели на дороге за селом: он вел за собой островерхий подросток, выглядывавший попутную машину.

— Не знаю, как это бывает, но когда я его увидел одного в пустом холодном доме, сразу подумал: не оставлю.

Андрей Дмитриевич замолчал. Мне нетрудно было догадаться, почему его рассказ сразу показался знакомым: это же была очень схожая судьба героя шолоховской «Судьбы человека».

И даже имя одно — Андрей. В тайной надежде я спросил, не встречался ли Андрей Дмитриевич с писателем Шолоховым, который жил почти в здешних местах, немного выше по Дону.

— Нет, не встречался, — ответил он. Помолчал, подбросил в костер сухих веток и добавил: — Встречался же встречался, но про меня ему известно. Рассказывал, что ли, кто? Слушаю как-то радио, и весь задражал: как с моей жизни списано. Поверите, даже в груди затрещало — «о мой! Жду конца, и конец такой же, как в моей жизни».

Я слушал старого солдата, и что-то сжимало сердце. В этой поездке по Дону и Прихотью Андрей Дмитриевич Данилов был третьим, кто узнавал себя в шолоховском Соловове.

Прошел много лет, Дон наметил новые берега, вырастали новые поколения, и среди них, вместе с ними будут жить простые люди со своим далеком непростым судьбой — труженики, партийцы, солдаты, описанные Шолоховым. Как вечный Дон, так вечно течение народной жизни во всем, что создано его талантом.

Виктор ДРОБОТОВ. Волгоградская область.

СЛОВО В ЦЕХЕ

Пропуск на Кировский

«Мне часто задают вопрос: почему Давыдов краснотупиловцев, а не киевлянок, мичман или харьковчан? — говорил Шолохов, вступая на встречу с коллективом кировцев. — Отвечал: 31 год тому назад, когда я начал писать «Поднятую целину», это был мой первый поклон пионерскому пролетариату, рабочему классу... Я горжусь вашей славой, горжусь тем, что Семен Давыдов тоже ваш».

О нашем дорогом Шолохове, о его работе и редкостном мастерстве столько написано, что на новые открытия в области этой темы нет никакой надежды. Да и задача у меня другая. Я хочу сказать несколько слов о том, почему мы, путников-кировцев, так любим этого человека, так дорожим давней многолетней дружбой с ним.

Слов нет, дружбе нашей помог своим появлением на свет Семен Давыдов — краснотупиловский слесарь и одновременно замечательный шолоховский герой. Никогда и никто на Кировском не согласится, что Давыдов — создание писательской фантазии. В нем все питерское — душа и характер, упрямство и самолюбие, в нем кровь ходит с нашей путливой скоростью. Поэтому в великодушной родословной краснотупиловцев-кировцев рядом с именами, вошедшими в историю народа и Советского государства, имя Семена Давыдова — не пустой звук. Оно там по праву. Родное имя.

И Михаил Александрович Шолохов — родной нам человек. По праву родства приезжает он в гости на завод не один, а с вешенскими казаками. По праву родства зовет в гости к себе не только наших стариков. Он их любит и хорошо понимает, «люди моей расцветки, ровесники Давыдова» — так говорит он о них. С ними приглашает и молодежь — почти по-семейному. И вот не так уж часто такие встречи, не так непрерывна наша связь с Шолоховым, а чувство родства не рвется.

Я был одним из трех литкружковцев-кировцев, кто, полагаясь больше не на мастерство или опыт, а на комсомольский энтузиазм, решил писать историю Кировского завода. Долго рассказывать, как

давалась нам эта работа. Так или иначе, история завода была написана. Рукопись пошла в издательство, началась подготовка к печати. Кто-то высказал пожелание: надо бы получить кое-нибудь авторитетное благословение, попросить кого-то написать предисловие.

Старина наши, они же и первые герои книги, долго не думали. «Как кто? Конечно, Шолохова надо попросить, кого же еще? Они, наши замечательные ветераны, отлично знают нечу если не себе, то уж во всяком случае своему заводу, его роли в истории. «Напишет, не сомневайтесь, про наш-то завод напишет!» — уверяли они.

М. А. Шолохов среди рабочих завода «Ростсельмаш».

Михаил Александрович не просто написал предисловие. Он нашел слова, полные глубокого уважения к коллективу кировцев.

«Огромной важности дело — создание истории Кировского завода — успешно завершено. Никакое художественное произведение не сможет вообразить в себя все сложнейший процесс возникновения, становления и многолетнего существования завода с судьбами и жизнью нескольких поколений, многих тысяч рабочих и инженерно-технических работников».

Но художественное произведение и история завода — книги не взаимоисключающие, а взаимодополняющие друг друга, и если кировцам на материале их замечательных незаурядных судеб будут посвящены романы и повести, то эти создания историков и писателей пойдут в жизнь рука об руку.

Читая историю завода, невольно думаешь и о том, что для будущих поколений (и не только для будущих кировцев) эта книга будет неоценимым пособием в области познания того, как терпеливый рабочий класс Питера — Петрограда — Ленинграда страдал, яростно боролся, побеждал и побеждал!

Добрые, хорошие слова, щедрые в оценке труда нашего.

Сегодня мне хотелось бы напомнить еще один давний случай. В 1964 году, находясь в Вешенской, наши рабочие сообщили Михаилу Александровичу, что по решению профсоюзной организации завода ему присвоено звание ударника коммунистического труда, и вручили ему значок ударника и почетный пропуск на Кировский завод.

Обращаясь к землякам и гостям, Михаил Александрович сказал тогда:

— Самый дорогой подарок из того, что мне вручили кировцы, это, конечно, звание ударника коммунистического труда и вот книжечка — почетный пропуск на Кировский завод. Но прошу вас учесть, что кировцы народ довольно хитрый. Пропуск этот вручен мне с таким расчетом: приезжай, мол, приходи в любое время и в любой час, знакомься с производством, знакомься с нами, а потом ты, конечно, увлечешься и будешь писать. Так ведь, товарищи дорогие, я никогда не давал подписки, никогда не давал зарека, что я привязан только к сельскохозяйственной теме или к теме войны. Мне еще так сказать, можем тряхнуть старину».

Движенье обещание, но памятное для нас, как все связанное с Михаилом Александровичем, памято для кировцев. Жизнь его давно стала народной легендой, и каждая встреча кировцев вписывается в эту легенду, согретую любовью, теплом и сердечностью.

С. КОСТЮЧЕНКО, инженер Кировского завода.

СЛОВО В ОКОПЕ

БОИ ШЛИ
НА ДОНУ

Вот уже более десятка лет я собираю материалы о деятельности М. Шолохова в годы войны. Мне удалось разыскать ряд товарищей, которым довелось встретиться с писателем в военной обстановке. В годы войны Шолохов был на разных фронтах — Западном, Южном, Сталинградском, 3-м Белорусском... Между поездками на фронт он нередко заезжал в Камышин, где одно время жила его семья. Здесь Михаил Александрович написал «Науку ненависти», первые главы романа «Они сражались за Родину».

С Николаем Григорьевичем Вединым, старейшим коммунистом Камышина, я знаком давно. Журналистские заботы не раз приводили меня к нему на квартиру. Как-то в одну из встреч разговор зашел о Михаиле Александровиче Шолохове: в годы Великой Отечественной войны Ведину доводилось нередко встречаться с писателем.

Николай Григорьевич молча достает из книжного шкафа толстую, увеличенного формата книгу и бережно кладет на стол. На обложке — «Михаил Шолохов. Тихий Дон». А на титульном листе надпись: «Дорогому Н. Г. Ведину с большим дружеским чувством. М. Шолохов. 11.VI. 42 г.»

Бабушкины котлы

Весь день висел дождь, не полетному слепой и серый. Он перешел вечернюю зарю и в ночь зашумел еще пуще.

Николай Григорьевич Ведин дважды вышел на улицу, чутко прислушивался: не гудит ли машина. Но вечер стоял вязкий, глухой. Только дождь шумел, словно высокий камыш, да отдаленно, как из-под земли, слышались взрывы. Бои шли на Дону, под Клетской...

Еще утром Шолохов уехал на строительство железнодорожной линии Саратов — Сталинград.

— Вымокнете... Не переждать ли, Михаил Александрович? — попытался отговорить Ведин.

— Погоды ждать некогда. Дорога нужна Сталинграду уже сегодня. А дело вьюло идет. Не все понимают важность ее, — заметил писатель.

Возвратился Михаил Александрович поздно вечером. По пыlotte и гимнастерке стекали ручейки дождя. В сапогах хлопала вода, а лицо озяло радостью.

— Слыхали, как наши турнули фашиста?.. Вот они начинают бабушкины котлы, — с порога сказал Шолохов.

Ведин в недоумении пожал плечами.

— Почему бабушкины? Оказалось, Михаил Александрович основно разговор с тещей Вединой осенью сорок первого. Пелагея Васильевна тогда ставила самовар, а Шолохов помогал чистить лучину. В это время по радио передали об оставлении нашими войсками еще одного города. Пелагея Васильевна горестно сказала:

— Отступают... Заманивают в котлы, значит. А потом как хватят их, нехристы, со всех сторон да как положат им жару под зад...

Михаил Александрович согласно кивнул головой.

— Так оно и будет. И вот, кажется, пришло это время.

«Крылатый» автомобиль

Зима в тот год на Нижней Волге легла рано. В начале ноября зауржжили снега, ударили холода. Волга, скопанная молодым льдом, на утренних зорях от мороза стояла и ахала. Но неожиданно нахлынула оттепель. Дождь склеивал снег, распустил, расхлябывал дороги...

В такую распутицу Шолохов и привез в Камышин на своем выдавшем виды «газике».

Михаил Александрович спешил за Волгу, в район Средней Ахтубы. Планировал отсюда переправиться в сражающийся Сталинград. Накануне, 19 ноября, войска Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов перешли в решительное наступление и теперь успешно теснили врага.

— Пришел и наш час, — радовался Шолохов. Писатель жил уже предстоящими встречами с героями Сталинграда. Но вот задача — как переправиться через Волгу? Переправа перегружена. А лед... Выдержит ли он машину?

— Михаил Александрович, может быть, лучше все-таки через переправу? — предложил Ведин. — Договоримся с командованием.

— Нет, не стоит отвлекать. Надо, как говорят военные, использовать другие, особые средства. — И по тому, как это было сказано, Ведин понял Шолохова, что он уже придумал. Когда по извозу спустился к берегу Волги, Михаил Александрович предложил:

— А что если автомашине приделать крылья? Для подстраховки. Если провалится, то повиснет на крыльях. Не уйдет под лед.

Красноармейцы переправы под руководством Шолохова подвели под днище машины два длинных бревна, укрепили, к их концам подшили доски. Шолохов был доволен.

— Давай, Иван, заводь мотор, — сказал он шоферу. Сам сел рядом с водителем, но закрывать дверь не стал. И только когда достигли левого берега Волги, кто-то заметил:

— Рысковый он, видно, человек — Шолохов-то.

«К армейцам
пойду с охотой»

Стояла осень сорок третьего года. «Правда» печатала главы шолоховского романа «Они сражались за Родину». Красноармейцы в госпитале жадно читали газету.

Начальнику клуба госпиталя Софье Дмитриевне давно хотелось пригласить Михаила Александровича на встречу с красноармейцами. Но писатель находился на фронте и лишь изредка наезжал в Камышин.

И вот Дмитриева спешит на набережную улицу, к дому Шолохова. Накануне сказали: приехал Михаил Александрович.

С волнением поднимался Дмитриева на высокое крыльцо красного кирпичного дома. Открыла дверь в боковую комнату. Шолохов — за столом. На столе — письма, газеты... Несмотря на ранний час, писатель работал.

Софья Дмитриева сказала о цели своего визита.

— К армейцам пойду с охотой, — пообещал Михаил Александрович.

— В зале клуба — яблоку упасть негде. Рядом от битов и повязок. Шолохов вышел к столу, невеселый, ладный, в зеленой гимнастерке, галфе.

— Здравствуйте, доктор! — приветствует он красноармейцев. На открытой лице — смещение, улыбка.

— Я недавно был на фронте, — после небольшой паузы начал Михаил Александрович. — Обстановка у нас складывается благоприятная. Красная Армия гонит врага, как затравленного зверя. Мы научились и ненавидеть, и воевать.

Шолохов несколько секунд молчит, всматриваясь в лица красноармейцев, потом говорит:

— Теперь прошу спрашивать. Вопросы разные.

— Когда будет напечатано продолжение романа?

— Пишу новые главы. Тороплюсь.

— Останется ли жив Лопатин?

— Не могу сказать. Впереди его ждет много боев. И останется ли он жив, это зависит не от меня.

— На какой фронт теперь поедете?

— Сейчас на Западном жарко. Думаю, туда.

— Вы бы, товарищ писатель, не ездили на передовую, — просят раненые. — Мы вот зараз выйдем из госпиталя и за себя, и за вас повоем. Вы в этом не сомневайтесь.

— Спасибо за доброе слово, — улыбается Шолохов. — Но на фронте, сами понимаете, никто не лишится. Каждый из нас бьет врага своим оружием. А оружие писателя — слово. Оно сейчас в окопах нужное.

...Через несколько дней полковник Шолохов снова выехал на фронт.

Василий МАМОНТОВ.

Земные, вечные

Я счастлив, что судьба одарила меня знакомством с великим писателем современности — Михаилом Александровичем Шолоховым.

Хорошо помню, какое волнение охватило участников первого совещания молодых писателей социалистических стран, когда стало известно: нас приглашает в Вешенскую Шолохов! Почетным гостем нашего совещания был Юрий Гагарин. Мы ехали вместе. И когда прибыли на землю титкого Дона, нас встретил этот замечательный человек, чьи книги читает весь мир, беседует с нами, размышляет о жизни и творчестве. Такие дни незабываемы. Думаю, что уроки Шолохова-художника неразделимы с уроками Шолохова-человека и мыслителя.

О нем говорят: большой друг молодежи. И это действительно так. Стоит сказать хотя бы о том, как внимательно, с какой неслыханной остротой он относился к молодым прозаикам и поэтам. И я рад, что и мое творчество не оставило равнодушным Шолохова, который к сборнику моих стихов «Чувство Родины» написал предисловие. Стоит ли говорить, как много значит для поэта эти слова поддержки большого мастера.

А тогда я был свидетелем встречи двух замечательных людей планеты — писателя и первого космонавта. Запомнилось, с какой неслыханной остротой относился Михаил Александрович к Юрию Гагарину, который в свою очередь питал к Шолохову чувство сыновней любви. О той встрече я написал стихи.

Владимир ФИРСОВ.

На берегу высоком и крутом,
Над тихим Доном с неумелым нравом
Они стояли,
Позабыв о том,
Как тяжело ходить под гнетом славы.

Ни звука.
Лишь казалась, что вдали
Со звоном бились солнечные блики.
И не было ни слезы, ни восторга,
Ни величия
Перед величьем матери-Земли.

Земля...
Судьба Гагарину дала,
Неслыханное выполненное задание,
Увидеть перьям,
Сколько она мала,
Сколько крошечна
В масштабе мироздания.

А Шолохов был рядом с ним сейчас.
Он прожил жизнь, в которой были ночи,
Когда он не слышал усталых глаз,
Судьбою человека озабочен.

Мала Земля.
И все же велика
Люди, что эту Землю обогрели,
Онем, в котором за нее сгорели,
И стали слабой, что живет века...

Два человека медленно брели
Над тихим Доном — тихим и свирепым.
И был один немилым без земли,
Как и другой немилым был без неба.

И Шолохов прикрыв на них глаза,
Как будто чувством, лишь ему понятным,
Он ощутил,
Что могут небеса
Гагарина
И не вернуть обратно.

Он эту мысль прогнал, сказав: «Чужда».
Негромко так сказал, почти невнятно.
— Что, Юра, признаешься?

— Да так...
Я о Земле подумаю.
— Вот и ладно.

Признания

М. А. Шолохов и Д. Д. Шостакевич.

Шолохов, — судя по первому тому («Тихого Дона» — ПРИМ. РЕД.), — талантливый... Каждый год выдвигает все более талантливых людей. Вот это — радость. Очень, анафемски, талантлива Русь.

Максим ГОРЬКИЙ.

Лучшие из новых произведений советской литературы (например, книги Шолохова) продолжают в основном великую реалистическую традицию предшествующей эпохи, составляющую душу русского народа, которую обессмертили произведения Льва Толстого.

Роман РОЛАН (Франция).

Мне очень нравится русская литература. Из современных писателей мне нравится Шолохов. Эрнст ХЕМИНГУЭЙ (США).

Мы проглотили огромный кусок жизни, который Шолохов бросил нам, страшно голодным до правды. И казалось, будто он при этом крикнул: «Вы хотите знать все — здесь это все!».

Анна ЗЕГЕРС (ГДР).

«Тихий Дон» ознакомил итальянский народ с великой эпопеей революции и социалистического строительства в полной реальности и правдивости. Поэтому мы его ценим и любим как один из шедевров литературы всех времен. Пальмиро ТОЛЪЯТИ (Италия).

Из всех ныне живущих писателей самым крупным, по моему мнению, является Михаил Шолохов. Давид ХЕЛМАН (США).

Фото Б. Каралина.